

СЕРИЯ КНИГ “ЧИТАЙ И СМОТРИ”

Ирина Соловей

АРХАНГЕЛЬСКОЕ
“ЧТО В БОРУ”

Церковь Михаила Архангела и колокольня.
Художник С. Симаков. 1988 г.

Дорогие читатели!

Наш рассказ - о храме Архангела Михаила «что в бору», скромно затерявшемся среди сказочного русского леса Угличской земли. Наше повествование - о праведниках и молитвенниках, в разное время пребывавших здесь.

Милое сердцу Архангельское.... Земля мучеников, подвижников, хранителей православной веры. Немало, должно быть, таких мест на севере России, но это - иное. Здесь каждый камень, каждый могильный крест и просто надгробный холмик помнят о драматических и героических событиях большой страны.

Из бед и радостей жителей бесчисленных малых поселений и городов России складывается ее история. За каждой исторической датой, большим или малым событием стоят люди – вольные или невольные их участники.

В книге представлены репродукции картин настоятеля храма Архангела Михаила «что в бору» игумена Рафаила (Симакова).

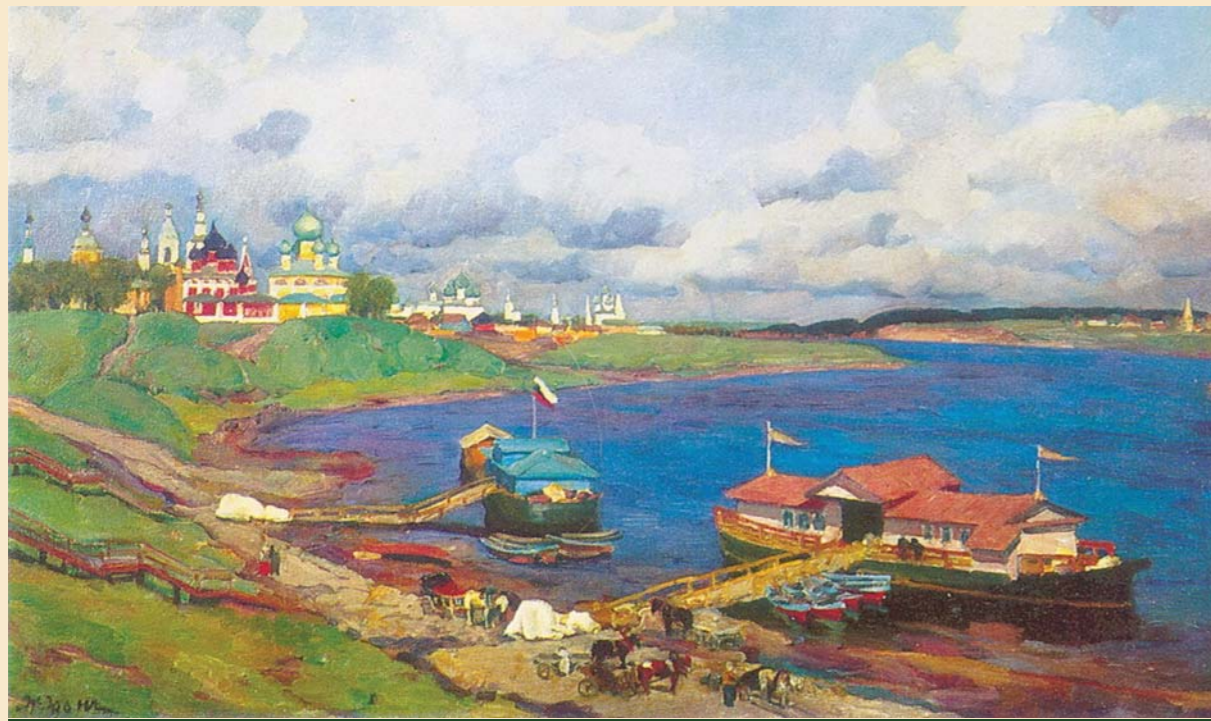
Dear readers!

Our story is about Archangel Michael temple “that’s in the forest”, modestly lost in the fabulous Russian forest of the Uglich land. Our story is about righteous and prayerful people who stayed here at different times.

Sweet Arkhangelskoe.... The land of martyrs and ascetics, of the orthodox faith’s guardians. There must be a lot of such the places in the North of Russia. But this is other. Every stone, every grave cross and just a gravestone hill remember here the dramatic and heroic events of a great country.

Its history develops from the misfortunes and joys of countless russian small towns and cities inhabitants. Behind every historical date, every large or small event are standing the people – their willing or unwilling participants.

The book presents reproductions of paintings by Abbot of Archangel Michael temple “that’s in the forest” hegumen Raphael (Simakov).

Утро в Угличе. Художник К. Юон. 1913 г.

Угличское семиградье

Невозможно представить себе нашу огромную страну без провинциального Углича и его окрестностей. Угличское княжество выделилось из Ростовского при правлении великого князя Константина Всеволодовича, сына великого владимирского князя Всеволода Большое Гнездо (в крещении Димитрия). Именно в честь рождения Всеволода-Димитрия был основан город **Дмитров**. Первым углицким князем в 1218 г. стал внук Всеволода - Владимир Константинович Угличский.

Позднее, при сыне Владимира – **святом благоверном князе Романе Владимировиче** – согласно преданию, Угличское княжество стало называться семиградным, по числу городов, в него входящих. **Одним из семи городов княжества был Дмитров, а столицей – Углич.** В семиградье князя Романа входили и другие древнерусские города: Кашин, Верхний Бежецк, Устюг-Железный, Романов и Звенигород.

Угличский князь Роман Владимирович свою землю благоукрашал храмами, коих в его княжение было построено более 15. Он радел за простой народ, устраивал для больных и сирых больницы и странноприимные дома, как в самом Угличе, так и в окрестных монастырях. Отовсюду приходили в Углицкое княжество нищие и убогие в надежде на окормление и попечение князя Романа. Каждый день святой Роман присутствовал на богослужении, часто беседовал с благочестивыми иноками.

Детство св. Романа пришлось на трагические годы в истории Земли Русской - начало нашествия татаро-монгольских орд во главе с Батыем. В 1238 г. армия Батыя захватит стольный град Владимир, в котором погубит всю семью великого князя. От Владимира отряды монголов устремятся в разные стороны, подобно выпущенным стрелам, к городам Суздальским и Ростовским, и за один февраль месяц сожгут 14 городов русских, среди них - Углич и Дмитров.

После сожжения и разорения Владимира Батый двинул свои войска на Великий Новгород. Кочевники взяли Торжок, но, не дойдя 100 верст до Новгорода, внезапно повернули вспять. Волоколамский патерик рассказывает, что на под-

ступах к Новгороду пред Батыем явился огненный воин и запретил агарянскому царю идти далее. Батый пошел на литовские города, затем - на Киев и здесь над дверьми каменной церкви увидел написанный красками образ великого Архангела Михаила. И сказал своим подданным, указывая на образ перстом: "Этот мне запретил идти на Великий Новгород!". По-видимому, с тех пор, при дорогах, ведущих к русским городам, стали основываться Михаило-Архангельские храмы и монастыри - защитники Земли Русской от врага чужеземного.

Угличское княжество, возрожденное после набегов кочевников заботами св. князя Романа, по его кончине перешло к ростовским правителям.

В конце 14 века сын Дмитрия Донского, Петр Дмитриевич, получил в княжение удел с городами Углич и Дмитров. И хотя в 1405 г. Угличское княжество отошло к Владимиру Андреевичу Храбром, брату Дмитрия Донского, на протяжении веков духовные и экономические нити соединяли эти два города.

Преподобный Макарий Калязинский в пору своих духовных поисков при правлении Петра Дмитриевича, сына Донского, основал близ Дмитрова пустыньку. Сколько времени пробыл здесь св. Макарий – неизвестно. Но вскоре он вернулся в родные края (Кашин) и стал строителем Калязинского монастыря. Здесь-то одиннадцати лет от роду и был пострижен его родной племянник Павел Гавренев - будущий святой Паисий Угличский. Уже повзрослевшего Паисия прп. Макарий благословил идти в Углич, где под покровительством углицкого князя им (Паисием) был основан Покровский (Богоявленский) монастырь.

Св. Благоверный князь Роман Угличский

Монастырь Михаила Архангела «что в бору»

Лес. Насыпная дорога. Линии электропередач. Ветви деревьев образуют сказочные арки. Красиво, спокойно, умиротворенно, совсем нет суеты, время приостановилось, кажется, на несколько веков. Звенящую тишину нарушают птицы. Если повезет, можно повстречать трусливо перебегающего дорогу зайца или спешащего по своим делам ежа. Свежий воздух напоен ароматом полевых цветов или крепкого морозца. И совсем внезапно вырастают серебряные кресты, луковичные главки колокольни и храма. Вот она - обитель Архистратига Михаила «что в бору».

Сейчас неизвестно, когда и кто основал здесь монастырь. Сохранилось лишь местное предание о строительстве обители.

В давние-давние времена решили окрестные жители заложить храм недалеко от Ярославской дороги. Предание гласит: «Начнут строить днем, уходят вечером домой, а наутро возвращаются - у них все развалилось. Так несколько раз приступали, и ничего у них не выходило. Однажды одному старцу приснился сон, что храм нужно строить на болоте». Здесь, на островке, в окружении могучих деревьев, и срубили деревянную церковь. Позже при Архангельском храме обустроился одноименный монастырь.

По словам игумена Рафаила (Симакова), монастырь Архангела Михаила «что в бору» известен с 15-го века. Первая запись о нем сохранилась в летописи.

“Может, он и раньше был, - рассказывал отец Рафаил, - может, он и Углича старше. По крайней мере, святые царевич Димитрий, Паисий Угличский и Роман Угличский там обязательно бывали. У меня картина есть такая, как они вокруг монастыря ходят. Это древнейшая святыня и место какого-то особого склада - некая пустыня, которая до Страшного Суда сохранится как место совершенно. И над этим местом - как бы ограда. Мы туда дорогу сделали, а все равно к храму очень не просто добраться”.

Раннее сведение о Михайло-Архангельском монастыре содержится в Житии преподобного Паисия Угличского: игумен монастыря Георгий в 1482 году был приглашен в Покровский (ныне покоящийся под водами Угличского водохранилища) монастырь для освящения первой каменной церкви.

Монастырь Архангела Михаила в бору.
Художник С. Симаков. 1986 г.

Еще одно упоминание о монастыре можно прочитать в духовной грамоте угличского князя **Димитрия Иоанновича Жилки**, сына великого князя Иоанна III и Софьи Палеолог. В ней князь просит: «его душу помянуть... и на Угличе в монастыри: к Михаилу святому в бору...». Надо сказать, что Димитрий Иванович завещал сделать вклады не только в монастыри Углича, но и в Успенский собор города Дмитрова. В честь святого Димитрия Солунского был назван город Дмитрий и крещен угличский князь Димитрий Жилка.

Испокон веку Архангельский монастырь был любим как простым людом, так и угличской знатью, почитали люди игумена и братию, прибегали к их молитвенной помощи, разделяли радости и скорби. Примером этому могут служить события 1610 года.

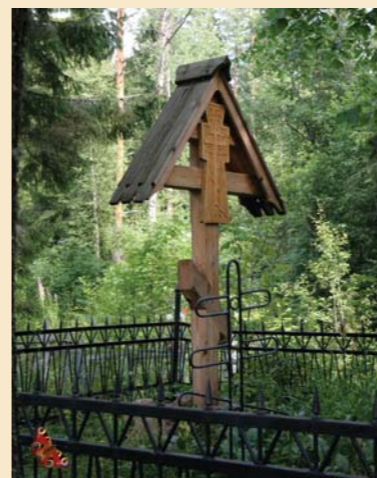

40 иноков и 300 мирян – защитники монастыря.
Художник С. Симаков. 1986 г.

Польско-литовский след на Угличской земле

«...О любезное наше отечество! Где твои славнии граждане, храбрые воины и прочих разных чинов люди? ... Где ваши дражайшие сыны? Где ваши прекрасные дщери? Все, все огнем и мечем истреблены быша...» («Плач о разорении города Углича», орфография сохранена согласно списку 18 века).

Польско-литовская интервенция – кровопролитное, жестокое время для России. В городах, деревнях и селах полыхали пожарища, лилась кровь неповинных жителей, не хотящих предавать православную веру. В 1608 году были захвачены древнерусские города: Суздаль, Владимир, Ростов Великий, Ярославль, Вологда. Осенью этого же года и Углич подвергся первому нападению, но, к сожалению, не единственному. Он осаждался несколько раз. Местные летописцы утверждали, что в городе было сожжено 150 церквей, 12 монастырей, 12 тысяч мирских домов, погибло 40 тысяч человек.

Крест на месте братской могилы защитников монастыря

Однажды, потерпев неудачу в городе, захватчики приступили к разграблению прилегающих территорий. Страшному разорению подверглись многие монастыри в окрестностях Углича. Так случилось и с обителью Архангела Михаила «что в бору». Вот как это событие описано в очерке владыки Кассиана, архиепископа Костромского и Галичского, изучившего все летописные источники.

«В 1610 году Михаило-Архангельский монастырь в числе прочих угличских монастырей был истреблен при польском нашествии. Настоятель монастыря – игумен Михаил и 40 человек иноков, а также более 300 человек мирских людей, укrywшихся в тот момент за монастырскими стенами от «звероподобных ляхов», были при взятии монастыря врагами избиты и преданы сожжению вместе со всеми монастырскими (деревянными) зданиями. И исторически, и по местным преданиям известно, что разорение поляками города Углича и его окрестностей происходило перед самой Пасхой, а в частности, Михаило-Архангельского монастыря – в страстную среду, 4-го апреля по старому стилю (17-го апреля по новому стилю). В дни Пасхальные с большим страхом дерзнули собраться из окружающих лесов на монастырское пепелище скрывавшиеся жители, со слезами собрали кости и останки тел пострадавших патриотов в одну общую могилу и благоговейно погребли. Эта драгоценная братская могила существует до настоящих дней на кладбище при церкви села Архангельского, представляя собой холм с возлежащим сверху простым известковым камнем (плитой), на котором водружен железный крест с соответствующей эпитафией; от прочих могил она отделена железной оградкой. По разорении своем монастырь был снова восстановлен».

Не только вокруг монастыря земля обогрилась кровью мучеников, но и окрестности. Второе название речки – Рубежки, окаймлявшей монастырские земли, – Сабелка (Сабелька) – в устном предании сохранило память о том, что поляки гнали до этой реки и других жителей, где их жестоко убили. Потом оставшиеся в живых люди перенесли и их тела к сожженному монастырю.

При церкви Михаила Архангела никогда не прекращалось почитание этих мучеников, всегда сохранялось бережное, трепетное, благоговейное отношение к братской могиле. Как только истлевал над ними деревянный крест, ставился новый с восстановленной надписью, чаще всего это делалось какими-то приезжими людьми, которых никто из местных жителей не знал. Последний, ныне стоящий, установили мужчины окрестных деревень, пронеся его на своих плечах не один километр по лесной дороге.

К тысячелетию Крещения Руси с помощью Угличского музея вокруг братской могилы была поставлена большая металлическая ограда, укреплена мемориальная доска. Весной следующего, 1989 года, вся братская могила оказалась покрыта кустиками ландышей, заполнивших весь холм. Их никто не сажал. Конечно, в лесу вокруг Архангельского много полянок с ландышами, но чтобы они вот так сразу вырастали в месте, где их раньше не было, – это явно необычайное явление.

Крест над могилой Блаженного старца инок Василиска

Блаженный старец Василиск Макарыч

На погосте Архангельской церкви есть еще одна почитаемая могила, на которую с молитвенными просьбами приходят верующие, иногда берут с нее землю. В небольшой ограде растет необычная береза: сросшиеся стволы трех деревьев напоминают пучок пасхальных свечей. Подле березы в цветах и траве прячется лесная земляника, тут же - муравьи-труженики соорудили себе дом. Странно: могила, а жизнь вокруг нее бьет ключом! Потому, наверное, так случилось, что здесь покоится необыкновенно скромный, кроткий и любящий всех подвижник – старец Василиск. Сегодня, в первой четверти 21 века, сложно представить, а уж повторить – совсем невозможно, подвижнический путь этого святого человека.

2 мая 1790 года в Тверской губернии в семье простых людей, Макария и Евфимии, родился младенец, нареченный в крещении Василиском. Первые годы мальчик был абсолютно здоров, а потом Василиск впал в расслабление и до двенадцати лет лежал без движения. Наступило облегчение, и пятнадцатилетний отрок начал учиться грамоте, проявляя замечательные способности и великолепную память. Передвигался Василиск с трудом, опираясь на костылики, потому что ноги его так и остались слабыми и скорченными. До двадцати двух лет будущий подвижник прожил в родительском доме, читая духовные книги и беседуя с соседями на душеспасительные темы, рассказывая им о святых. Но родители роптали, упрекая сына за неспособность к крестьянской работе. И тогда Василиск ушел из дома и начал странствовать.

В селе Заозерье Угличского уезда будущий старец прожил около трех лет, обучая крестьянских ребятишек грамоте, приобретая таким образом кусок хле-

Инок Василиск Макарыч.
Художник С. Симаков. 1990 г.

ба. Ученики уважали Василиска, жизнь его протекала без нужды, но душа жаждала особого подвига – подвига юродства.

Василиск оставил тихое место, притворился немым и начал странствовать, медленно переходя из деревни в деревню. Скитальческая жизнь старца была полна страданий и лишений: зимняя стужа, летний зной или дожди. В день он прохо-

Местность была пустынна и прекрасна. Храм красовался посреди густого леса - к этому и стремился старец.

дид не более пяти верст (5,3 км), опираясь на костыли, порой не доходил до какого-либо селения и ночевал в лесу, в стогу сена, терпя лютый голод по нескольку дней. Добрые крестьяне, находя его в таком положении, старались накормить, делясь с немым скитальцем скромной пищей, или приветить в своем доме до тех пор, пока Василиск сам не уходил от них. Вспоминая свои странствия, старец говорил, что никто его так не обижал, как деревенские ребяташки. Дети, видя калеку, кидали в него камни и палки, насмехались, дразнили, гнали от себя до края деревни, а потом отставали от юродивого.

В таком скорбном странствии провел Василиск семь лет. В Костроме старец взял на себя другой подвиг: надел тяжелые вериги, власяницу и пояс с острыми шпильками. Не станем забывать о здоровье подвижника, о его слабых ногах, которые сильно болели. Многие узнали о благочестивой, богоугодной жизни Василиска, стали приходить, прося молитв об избавлении от телесных и душевных болезней. Скромный, не желающий земной славы, он возвратился на родину, в Угличский уезд.

Вернувшись, праведник узнал о кончине своих родителей. Василиску рассказали, как они, раскаявшись в своих словах, долго разыскали сына, неспособного к тяжелой крестьянской работе. Тогда странник стал искать монастырь, где мог бы безмятежно окончить свои земные дни, где мог бы уединиться в тихой молитве.

Наконец, около храма Архистратига Михаила в сельце Архангельском подвижник получил келью. Местность была пустынна и прекрасна. Храм красовался посреди густого леса - к этому-то и стремился старец. Вновь Василиск занимался обучением местных ребяташек, получалось это весьма успешно: за один месяц дети выучивались читать.

Здесь, в Архангельском, прошли последние годы старца Василиска, полные служения людям. Подвижник наставлял и укреплял людей советами, иногда осторожно указывал на слабости и недостатки, обращаясь при этом: «Ангел мой» или «Друг ты мой». Монахини и монахи стремились получить его отеческие наставления. Зная, что старец прозорлив, то есть знает будущее, часто обращались к Василиску за советом. Маленькое помещение наполнено было людьми, с которыми он любезно, приветливо и с огромной любовью и отеческой заботой беседовал. Скончался старец тихо, мирно, заранее предсказав свою кончину.

**Инок Василиск Макарыч у стен храма Михаила Архангела.
Художник С. Симаков. 1990 г.**

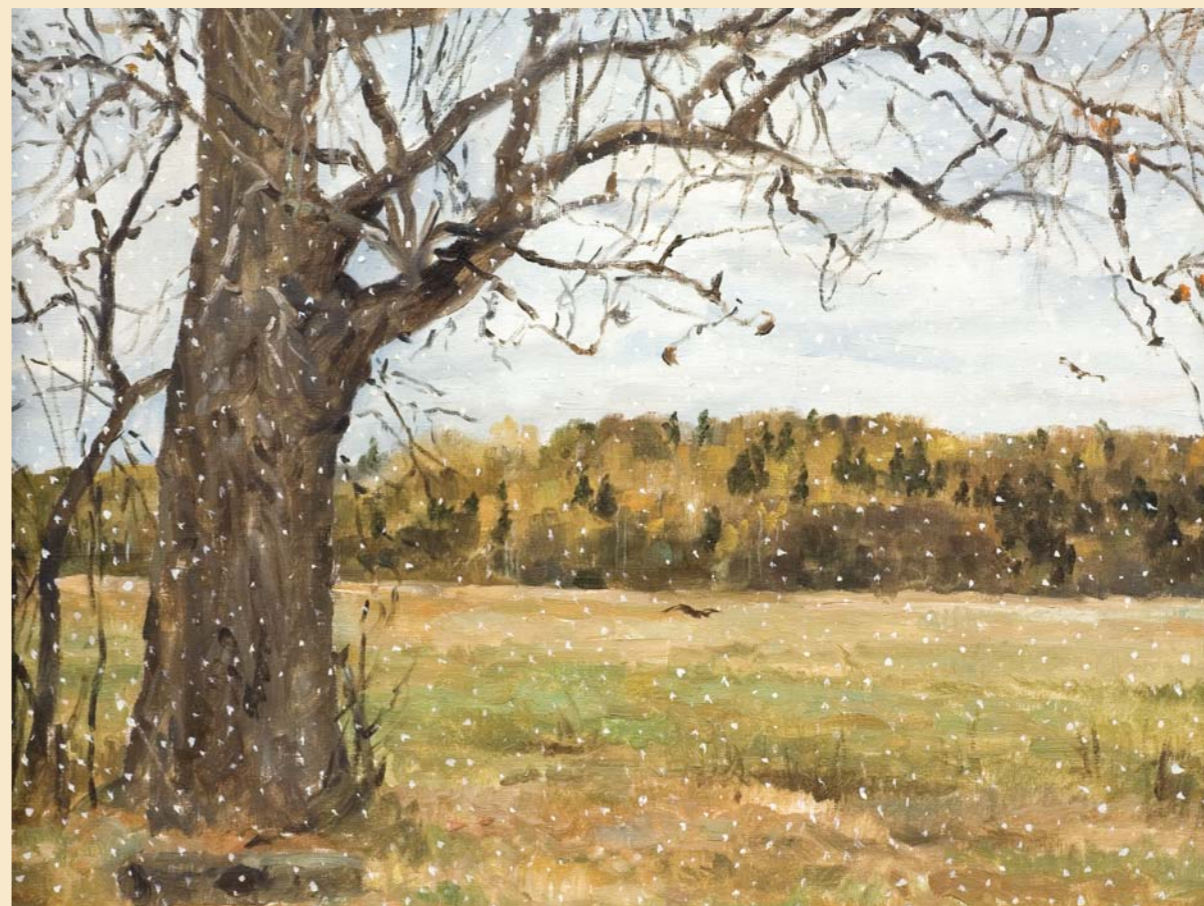

Сохранилась черно-белая фотография Ираиды Осиповны, сделанная в годы ее учительства. Двадцатитрехлетняя энергичная девушка с ясным, целеустремленным взглядом. Умное, строгое лицо. Сдержанность, строгость, прямота. Фотобумага передала внешнюю красоту подвижницы, а странички дневника поведают о ее неповторимой внутренней чистоте, желании служить людям, жить для других, сохранить веру в себе и укрепить ее в детях.

Исповедница Угличская Ираида Тихова

Старец Василиск, должно быть, обучал ребятшек в церкви или своей келье, потому что школы в селе Архангельское тогда еще не было. Ее построили в конце девятнадцатого века при активном участии Санкт-Петербургского купца Алексея Васильевича Мокроусова. После его смерти попечительницей церковно-приходской школы стала его жена Анастасия Михайловна. Мокроусовы заботились об устройстве учебного заведения, выделяя средства на необходимые пособия и содержание учителей. Благотворители устраивали бесплатные обеды при школе и награждали самых бедных учеников одеждой и обувью. Школа была уютна и красива: два больших класса, кафельные печи, три крыльца. В этой школе в двадцатых-тридцатых годах 20 века преподавала ныне причисленная к лику святых исповедница Угличская Ираида Тихова.

Благодаря дневнику, случайно обнаруженному в обычном деревенском доме и напечатанному по благословию и благодаря активному участию епископа Рыбинского и Даниловского Вениамина (Лихоманова), мы можем познакомиться с подвигом женщины, жившей в непростое время, в эпоху гонений на Русскую Православную Церковь. Дневниковые записи сделаны молодой учительницей в селе Архангельском, в школе при храме Архистратига Михаила «что в бору». Отрад-

Последние дни осени.
Художник С. Симаков. 1990 г.

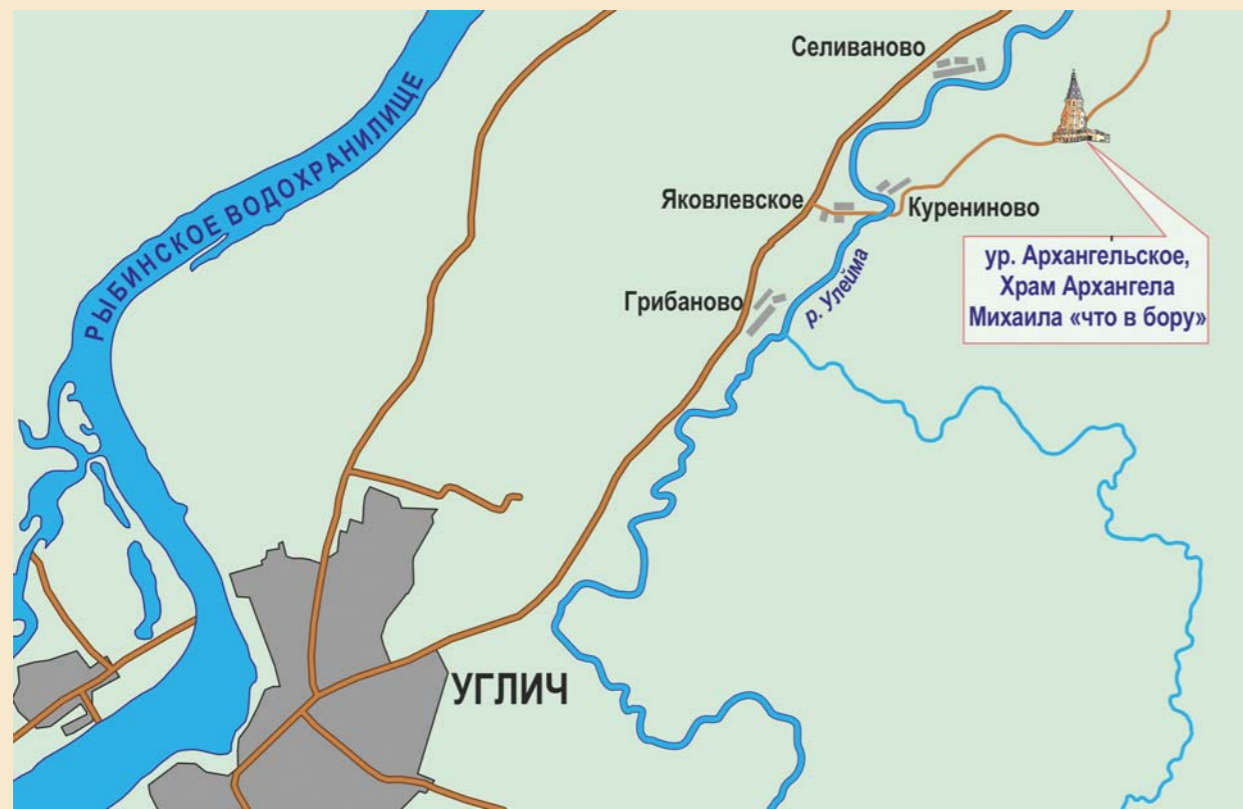
но, что духовная жизнь исповедницы началась именно здесь, в святом месте подвижников и мучеников.

Ираида Осиповна (Иосифовна) Тихова родилась 16 декабря 1894 года в многодетной крестьянской семье. И дети, и родители старались жить благочестиво, много работая и не забывая помогать ближним. Винопития в семье не было, «худого», «черного» слова не произносили, детей с улицы забирали домой по теперешним меркам рано – в восемь часов вечера, когда с поля пригоняли стадо. Родители звали младшую из шести детей Раей. Необычно для крестьянской девочки, но у нее с детства была заветная мечта – стать учительницей, обучать грамоте сельских ребятшек. Мама и папа из-за недостатка денег не могли дать ей необходимого образования. Тогда девушка занималась самообразованием, ходила в Ростов (85 километров!), чтобы сдать экзамены на учительницу грамоты, но не смогла.

Осенью рокового 1917 года Ираида поступила на курсы при Учительской семинарии, пообещав, что параллельно изучит семь предметов, по которым у нее были слабые знания. В ноябре 1919 года по окончании только трое из двадцати семи сдали все двадцать шесть зачетов. Среди них Ираида Тихова – вот пример целеустремленности и желания работать с детьми.

12-го ноября 1919 года.

Вот и кончились курсы, то, к чему я так стремилась, достигнуто, я - учительница сельской школы. Назначена в школу Архангельского - в бору. Я приехала на место назначения. В густом лесу стоит село Архангельское, состоящее только из избышек келейниц, дома дьякона и школы. Два дня под впечатлением новизны прошли незаметно, но сегодня что-то заволновало мою душу. Что бы это значило? Кажется, все так отвечает моему душевному настрою: прекрасная по виду и внутри школа, хорошие приветливые детки.

Сохранилась черно-белая фотография Ираиды Осиповны, сделанная в годы ее учительства. Двадцатитрехлетняя энергичная девушка с ясным, целеустремленным взглядом. Умное, строгое лицо. Сдержанность, строгость, прямота. Фотобумага передала внешнюю красоту подвижницы, а странички дневника поведают о ее неповторимой внутренней чистоте, желании служить людям, жить для других, сохранить веру в себе и укрепить ее в детях.

15-го апреля 1920 года.

Сегодня трое учеников сдали книги, учиться им не позволяют домашние дела. Чуть не заплакала, когда стали прощаться, так жалко их стало, привыкла к ним, дороги стали они мне.

16-го сентября 1920 года.

Занятий в школе не было. Ходила на общее собрание в Ермолаевский волостной Совет. Дали бумагу, карандаши. Учеников у меня уже 59, дали для них 15 карандашей, 15 ручек, по 7 листов плохонькой бумажонки. Книг совершенно нет. Как будем заниматься, чему научим, не имея в руках совершенно ничего. Богу известно.

21-го октября 1920 года.

До половины третьего занимаюсь с детьми, а с трех до пяти - со взрослыми. Горю учительница. Занимаюсь так еще только неделю, а уже надоело, впрочем, дети не надоедают, с ними я не устаю...

Деревенские ребята и их родители любили и уважали свою учительницу. Когда встал вопрос об объединении нескольких небольших школ, никто не хотел ее покинуть и перейти к другому преподавателю.

«Яковлевские и курениновские (по названию ближайших к Архангельскому деревень) ученики будут ко мне ходить, отхлопотали, ходили матери в совет», - писала Ираида Осиповна 5-го октября 1920 года.

Сельская учительница исполняла в точности напутствие своего духовного отца, пожилого сельского священника Николая Жущиковского: «... Придет время, и ты узнаешь не только труд учительства, но и скорби; тогда поймешь и поверишь всем, что этот труд без всякого сравнения тяжелее, чем пахать и рыть картофель. Все обучающиеся обречены на нравственные муки, и путь учительства тернист...» Трудно теперь представить, как сложно было жить и работать в ус-

ловиях перемен, как непросто было молодой девушке без помощи близких решать материальные и бытовые проблемы.

17-го ноября 1919 года.

Занималась до 12 часов. Потом пошла провожать сестру домой. Возвратилась в школу, скучно, грустно, тяжело... Нет ни родных, ни близких мне дорогих лиц. Как бы в эту минуту желала бы я видеть кого-нибудь из них, сказать бы только одно слово...

17-го сентября 1920 года.

Совершенно в школе с учениками делать нечего. Нет карандашей, нет бумаги, нет грифелей. После ученья ходила в деревню Шастово. Набрала по дороге грибов. В деревне взяла котенка, а то совершенно меня обидели серые животные.

27-го октября 1922 года.

Вот больше месяца не писала. Не могу даже на бумаге выразить того, что творится в общественной жизни. Напишу о материальной стороне: пуд ржи - 13 миллионов рублей, одна мера картофеля - 1.5 миллиона. Пачка спичек - один миллион. Один фунт керосину - 500 тысяч, сапоги валяные - 45 миллионов руб., один фунт мыла - 1.5 миллиона. Одним словом, все миллионы и миллионы, а где их взять? Как будто уже доживаем.

Ираида Осиповна любила своих учеников, переживала, что они, заканчивая школу, уходят, хотя и навещают ее. Красивая, умная девушка отказалась от личного счастья, думая, что не сможет уделить своим дорогим Нюрочкам и Ванечкам должного времени и внимания. *«Не могу выкинуть из сердца тех, кого люблю всей душой».* Любовь к детям оказалась сильнее, Ираида отказалась выйти замуж за очень достойного, близкого по духу и устремлениям человека. Она старалась разделить беды своих подопечных, тревожилась, когда из-за бедности, непогоды или тяжелой крестьянской работы ребята не могли добежать до школы.

23-е ноября 1919 года.

На улице слякоть, идет мелкий дождик, ученики не все были в школе, не в чем, нечего обуть на ноги. Голод, холод, нечего одеть, обуть - вот слова, произносимые повсюду. И конца не видеть всему этому, мрак, мрак повсюду, и не загорится нигде полоска света. «Доколе, Господи, забудеши нас».

Старожилы припоминают, как в пятидесятых годах ходили на учебу. Из Куренинова - ближайшей деревни - до храма и школы было две дороги: зимняя и летняя. Учение начиналось в девять часов - утром весной и осенью идти было темновато. В сентябре на обратном пути забегали в лес, собирали последнюю чернику и брусничку. Каникулы отличались от городских школ: все зависело, когда разольется Черная речка, тогда уж не пройти. Возможно, ученики Ираиды Осиповны пробирались также, но, думается, им было намного сложнее в непростые времена голода и нужды.

26 марта 1925 года сделана последняя запись в дневнике. А в 1934 году закончилось учительское служение в селе Архангельском исповедницы Ираиды Тиховой. Так случилось, что болела душа не только за школу и ребятшек, но и за церковь Архангела Михаила, в которой Ираида Осиповна молилась, благодаря Богородицу и прося о помощи Спасителя. Очень печалилась она о том, что вместо молитвы школьный день начинается с марсельезы или интернационала, что нельзя повесить иконку в классной комнате, и тревожилась, что дети так и не узнают о Боге. Учительница думала, что и их храм закроют, как и многие тогда городские, поэтому в шкафу кабинета спрятала богослужебные книги. За это ее и арестовали.

С 1922 года исповедница заботилась о заключенных священниках. Оказавшись на каникулах в Москве, она прежде всего навестила архиепископа Серафима (Самойловича). К Рождеству Ираида передала владыке одежду и все необходимое. Он был чрезвычайно удивлен, но рад. А вот теперь и сама по доносу оказалась в заключении.

В мае 1934 года в Архангельское приехали сотрудники НКВД, вынесли все книги, небрежно свалили на телегу-подводу, туда же села Ираида Осиповна.

Ираида Осиповна Тихова несет сено в баньку

Увезли. 24 дня провела она в тюрьме в Ивановской области по подозрению в антисоветской деятельности.

Освободили, потому что основания для такого обвинения не было, но вот на любимую работу не восстановили, рекомендовали сменить школу.

11-е марта 1920 года.

Сколько силы, глубины, красоты в слове учитель. А отвечаем ли мы вполне своему званию? Нет и нет! То невыдержанность характера, неуместный гнев, то лень по-настоящему занимается. Господи, помоги исправиться! Стремлюсь, стремлюсь, а силы воли нет.

Нет сомнения в том, что Ираида Осиповна Тихова достойно несла свой учительский крест, отвечая за каждое слово, сказанное детям, и поступок, совершенный у них на глазах. Сменить школу не смогла, вернулась в родную деревню, продолжая жить ради других.

Ираида стала служить в храме, петь в церковном хоре, по-прежнему помогать репрессированным священникам, в сердце своем неся и разделяя с ними тяготы неволи. Это стало главным ее делом. При каждом удобном случае помогала и вкладывала в это всю свою душу: писала утешительные, полные заботы и участия письма, лечила оказавшегося в ссылке в Угличе священника, готова была ехать, куда необходимо, и ездила, помогая невинно заключенным под стражу.

6 ноября 1943 года Ираиду Осиповну вновь арестовали. Дело в том, что она предложила епископу Кинешемскому Василию (Преображенскому) поселиться у себя в доме. Открыто служить в церкви тогда было опасно, поэтому в баньке за домом исповедница устроила домашнюю церковь, в которой в строжайшей тайне владыка Василий служил Божественную Литургию. Опять донос, агентурные сведения предоставила женщина, эвакуированная из блокадного Ленинграда и по милости принятая в дом одной из жительниц деревни.

Допросы длились по три, четыре, пять часов. Иногда они прерывались, страшно подумать от чего, видимо, заключенная доведена была до такого состояния, что говорить не могла. Ираида Осиповна обвинения в антисоветской пропаганде

не признала и 7 октября 1944 года была осуждена на пять лет. В ссылке в Сыктывкаре сначала жила на территории Кожобувного комбината. На работе приходилось очищать от жира двухпудовые (32 килограмма) замороженные тюленьи шкуры. Женщина отморозила руки и подорвала здоровье. Тяжело было, но Ираида сохранила свое душевное состояние: общительность и отзывчивость, способность проявить сердечное участие в жизни других людей. Женщины, с которыми она работала, часто приглашали домой, после заключения долго переписывались.

В ноябре 1948 года ссылка закончилась. Ираида Осиповна вернулась в родную деревню. Здесь она продолжила помогать людям: молилась, много трудилась, принимала в доме монахинь, послушниц, паломников. Несмотря на подорванное здоровье, активно помогала нуждающимся:

находила работу, жилье. Но 23 декабря 1949 г. в третий раз оказалась арестованной и заключенной в Ярославскую тюрьму. Обвинение прежнее. Исповедница Ираида не таила обиду на тех, кто в очередной раз довел ее до тюрьмы, даже на очных ставках и при чтении приговора не обвиняла предавших ее людей. Только осенью 1955 года страдальца обрела свободу и вернулась в родной дом, ей шел седьмой десяток.

Тяжелейшие испытания, годы тюремного заключения не помешали женщине оставаться веселой, неунывающей, а, главное, любящей людей. Ее по-прежнему окружали дети, для всех было доброе слово и внимание. Ходила она с деревенскими ребятишками в лес, пела песенки и учила молитвам, зарождая в них православную веру. На праздник Животворящего Креста Господня (Медовый Спас) всех детей угощала медом с собственной пасеки.

В конце 50-х годов началось последнее служение исповедницы Угличской Ираиды Тиховой. Сама изнуренная, измученная тюремными работами, помогала парализованному брату, ухаживала за тяжелым больным и содержала в порядке большой дом. Жили два престарелых человека на скудную пенсию, получая иногда посылки от друзей и близких. С весны 1967 года Ираида Осиповна начала слабеть, слегла, а 7 августа закончилось ее земное служение людям.

«Решила жизнь свою посвятить для других и никак не могу понять, как это сделать» (из дневника И.О. Тиховой от 18-го ноября 1922 года). Так рассуждала еще совсем молодая девушка, и, несмотря на предательства и доносы, каторжный труд и несправедливость, смогла прожить для людей.

Ираида Осиповна Тихова была реабилитирована 27 августа 1989 года. Прославлена как исповедница в составе Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской 6 октября 2001 года.

О святая блаженная дево Ираидо! Под кровом Вышняго жившая, ведомая и укрепляемая Богоматерью, Архангелом Михаилом, угодником Божиим Николаем, глад и жажду, тюремное заключение, хлад и зной, поношения и гонения претерпевшая, дар поможения людям от Бога получившая, моли Бога о нас!

Крестный ход в день памяти исповедницы Ираиды Угличской. Село Котово, 7 августа 2014 г.

Архиепископ Костромской и Галичский Кассиан

В 1943 году настоятелем храма Архангела Михаила стал Ярославский Сергей Николаевич - будущий епископ Угличский и Костромской Кассиан. Происходил будущий владыка из семьи потомственных священнослужителей. В 1920 году получил должность псаломщика при храме своего родного села Золоторучье Угличского уезда. Через три года архиепископом Ростовским Иосифом отец Сергей был рукоположен во священника и назначен настоятелем Николо-Песоцкого храма в Угличе. Затем была черед служения

в храмах сел Николо-Сухопрудского и Ильинского. В ноябре 1929 года отца Сергея арестовали и отправили в ссылку на три года на Север. Отбыв наказание, иерей Сергей вернулся в Ильинское. Через 5 месяцев его вновь арестовали и приговорили к 8 годам тюремного заключения.

В 1941 году, после освобождения, подходя к Угличу пешком, Сергей Ярославский радостно пел Пасху и благодарил Бога за все. В храме Архангела Михаила «что в бору» батюшка прослужил 18 лет. Когда-то в этом храме диаконом служил его родной отец, а также его деды и прадеды.

Своего дома у священника Сергея не было, жил будущий владыка под колокольней, в привратной келье, половину которой занимала библиотека. Все доступные средства отец Сергей тратил на благолепие храма и содержание церковного кладбища.

За пастырским словом стали стекаться к храму прихожане. В конце 1945 года их было более полутысячи - духовных детей своего духовного учителя. А учиться у владыки Кассиана было чему: его самоотверженное, бескорыстное служение человека верного в слове, в житии, в духе и в любви к Господу. В 1948 году отец Сергей был пострижен в монашество с именем Кассиан (в честь Кассиана Грека Угличского чудотворца), а через год возведен в сан игумена.

Незадолго до пострига в Архангельский храм был перенесен образ прп. Кассиана Угличского из разрушенной церкви в Учме. Игумен Кассиан сам составил акафист святому Кассиану и читал его на всенощных бдениях.

В 1961 году игумен Кассиан был назначен настоятелем Димитриевского храма в Угличе, вскоре возведен в сан архимандрита. В том же году он был хиротонисан во епископа Угличского, в 1963 - епископа Новосибирского и Барнаульского, а с 1964 по 1988 годы владыка Кассиан - епископ Костромской и Галичский.

В конце 20 века в Угличе были изданы «Летописно-исторические сведения о селе Архангельское Угличского района», написанные архиепископом Кассианом (Ярославским). Благодаря этому труду вновь заговорили о блаженном старце Василиске, о его святой подвижнической жизни, вновь потянулся народ на поклон к Архангельскому «что в бору».

Прихожане, вспоминая о епископе Кассиане, говорили: «Когда служил владыка, от его молитв становилось тепло не только в алтаре, но и во всем храме». Велика сила молитвы, идущей от самого сердца!

Праздник Рождества Христова в храме
Михаила Архангела «что в бору». 2018 г.

Хранители веры православной: сестры во Христе

В конце семидесятых годов прошлого века Архангельскую начальную школу закрыли, а здание разобрали и увезли. Но сам храм в годы гонений не был разрушен, очевидно, из-за его отдаленности и непростой местности.

Старожилы вспоминали: «Никак не пролезть было ни зимой, ни летом - везде болото». В церковь ходили тайно, за это у прихожан были неприятности. Но все-таки шли пешком из окрестных деревень и не только молились, но и поддерживали храм: на санках привозили дрова, наводили в нем порядок. Верные прихожане записывались в общину семьями, с малолетними детьми, несмотря на репрессии со стороны властей. Сами жили в нищете, но содержали храм и священника: по деревне собирали картошку, лук и на саночках возили в церковь, все делились, все давали. Вот несколько слов о тех, кто был предан Архангельской обители. «Столпы, корни нашего храма, - вспоминает игумен Рафаил, - все три были такими махонькими».

Александра Михайловна Андреева – «корень» храма Архангела Михаила. Училась в Михайло-Архангельской школе у Ираиды Осиповны Тиховой, потом здесь же, при церкви, в школе кройки и шитья. Со всеми была приветливая, общалась словами: «Ягодка моя!»

Игумен Рафаил так вспоминает встречу с этой женщиной: «Впервые я ее встретил, собирая в лесу при храме грибы, на тропинке. День был пасмурный, в лесу все сделалось серым. Как она передо мной возникла, я не заметил. Баба Шура шла медленно, беззвучно, в валенках, в каждой руке у нее было по палке, на которые она и опиралась, поочередно их переставляя. Она от болезней своих так всегда и ходила. Из-за того, что спина у нее давно была согнута, голова – большая,

Возрождение жизни прихода

обмотанная теплым платком, казалась огромной на маленьком теле, подпертом палками, и среди лесных сучьев в сумрачном лесу она казалась мне гномом из сказок братьев Гримм».

Александра Михайловна пела в Архангельском храме и была его бессменным казначеем. Мама ее еще маленькой девочкой посвятила себя служению в этом родном их храме. И жизнь двух женщин так же, как и жизнь всех верующих в нашей стране в 20-м веке, всех прихожан «Архангела» наполнена была тяготами, унижениями, словом, многими скорбями. В храме была радость. Даже когда в нем не было священника, Шура Андреева, имея от храма ключи, вместе с другими женщинами поддерживала порядок в церкви, читала и пела то, что можно читать и петь мирянам без священника.

Ираида Ивановна Шишкина была истинной интеллигенткой: всегда в белоснежном платочке. Из своей деревни была единственной прихожанкой. «В этой деревне она жила с самого рождения. Деревня Селиваново, из всех оставшихся в живых, была самой ближней к храму «в бору» – примерно один километр - только вот путь к церкви преграждала река Улейма, которую надо было переходить вброд или по мостику, который река каждый год смывала.

Зимой Ираиде Ивановне уже - по льду да через лес - приходилось протаптываться маленькими ножками, крохотными, как у Золушки в фильме». Так рассказывает отец Рафаил, лично знавший эту женщину. Батюшка в очерке «Храм во бору. Сестры во Христе» так трогательно, с любовью, с уважением о ней говорит: «В дальнюю даль по снегам приходила она ко мне просить причастить умирающих своих соседей по деревне и сопровождала опять меня, семенила рядом со мной, будто без усталости». Ученики архангельской школы, где она работала технической служащей, вспоминают, как Ираида Ивановна топила печь, а в перемену поила всех чаем из двухведерного самовара, была в меру разговорчивая, мягкая, нестрогая, но могла одернуть - осторожно, заботливо. Все выдавало в ней этакую даму, образованную, воспитанную, очень скромную.

Храм Михаила Архангела «что в бору». Наши дни.

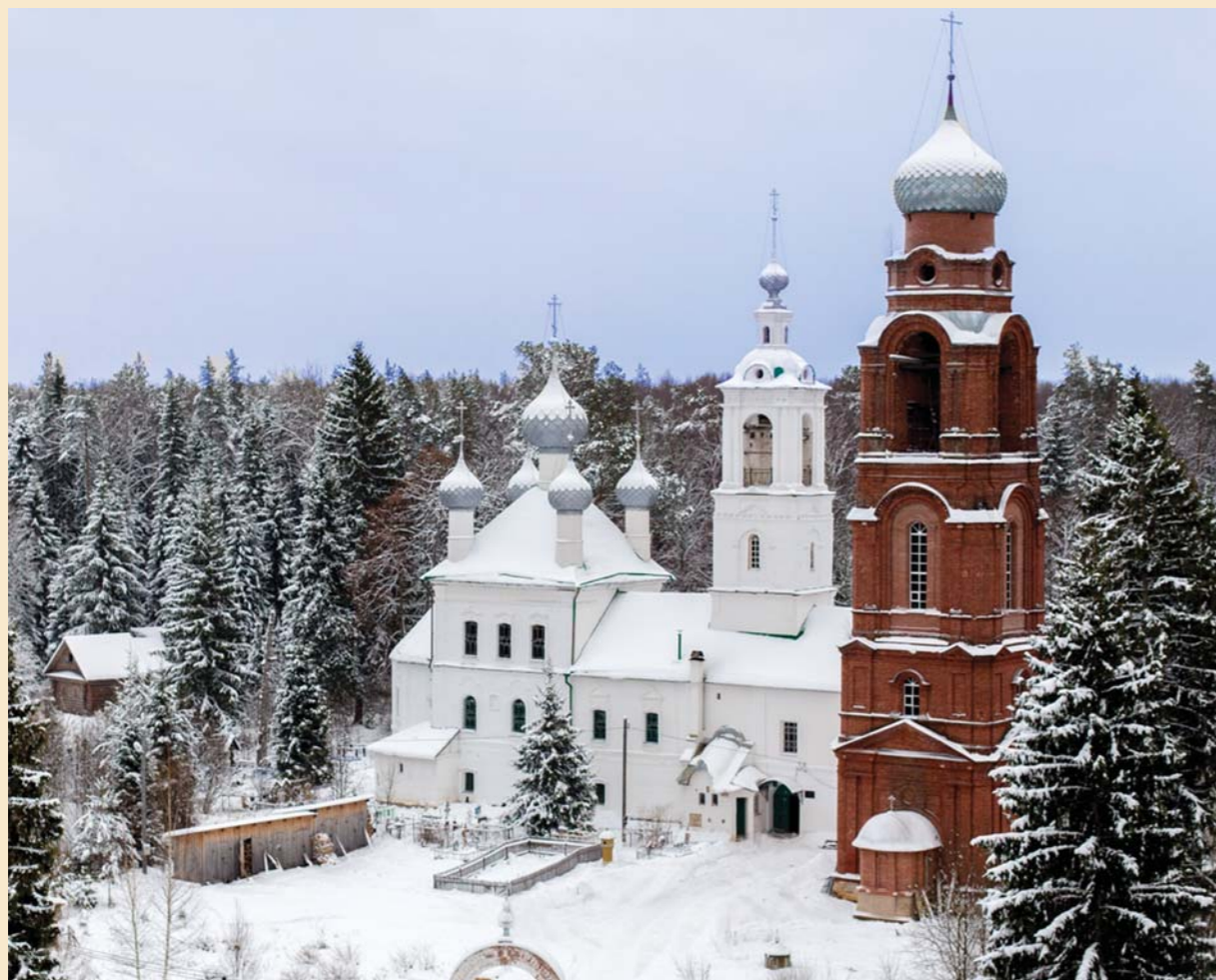
Баба Рая была тихим, смиренным человеком. Однажды она поделилась с прихожанами своими переживаниями о том, как ее ограбили, причем не первый раз, иконы из маленького домика вынесли давно: залезли через окно, разбили стекло, потребовали денег - все отдала. Старушка восхищалась, что воры позаботились о ней: заткнули ее же подушкой выставленное настежь окно, чтобы хрупкая бабулечка не простудилась. В этом ее отношении столько прощения и любви к ближнему!

Екатерина Петровна Павлова была старостой храма. Некоторые иконы в нем появились при непосредственном ее участии, точнее они были спасены от поругания. Дело в том, что перед Великой Отечественной войной в деревне Чурьяково (недалеко от Углича) закрывали Казанскую церковь. Так вот Екатерина Петровна и ее подруга на подводах вывезли оттуда церковные ценности и привезли в храм Архангела Михаила «что в бору». Старожилы вспоминают, что икон было много, они стояли вдоль окон и стен. Но до наших дней сохранилась лишь икона Спасителя, которая находится в алтаре, и образ Казанской иконы Божьей Матери. К сожалению, остальные и у нас не уцелели – очень часто грабители посещали Архангельское.

Агриппина Петровна Буддакова - еще одна верная прихожанка храма Архангела Михаила. Отличалась она, пожалуй, умением ладить с детьми. Карманы ее платья всегда были полны конфет, заранее приготовленных для ребят. Дети в храм пришли! Дети вели себя благочестиво! Дети причастились! Отлично! За то каждому полагалась награда - конфета, всегда-то желанная, а в то советское время дефицита - просто царское угощение!

А сколько тетя Груша спасла семей от разрушения! Молодые женщины, сестры на мужей, получали совет, похвалу на их супругов. За эту житейскую мудрость и любовь многие тянулись к ней, а самая строгая «старушка» в храме называла ее «наша Грушатка».

Сейчас эти женщины похоронены на кладбище у любимого храма, так они и остались его верными прихожанками и из селений праведных молят Бога о нас.

Настоящее храма Архангела Михаила «что в бору»

Если хрупкие женщины, отдавшие свою молодость, посвятившие всю свою жизнь Храму, - столпы, его корни, то сердце, которое все время должно биться, тревожиться, радоваться и огорчаться, поддерживая остальных, от работы которого зависит состояние всего организма – отец-настоятель. Сегодня сердце храма Архангела Михаила «что в бору» - игумен Рафаил (Симаков). Многие его воспоминания и личные записи легли в основу этого повествования. Первоначально думалось посвятить главу батюшке Рафаилу (отцу Сергию), а другую - инокине Анне (матушке Елене), но даже теперь, когда матушки нет уже более десяти лет, порознь о них писать невозможно - до сих пор они одно целое.

Елена Александровна Котикова родилась 24 октября 1946 года в восточном Берлине, где ее отец был комендантом. «Комендант Берлина», казалось бы, - какое по-военному строгое сочетание слов. Но по воспоминаниям его младшей дочери Елены, генерал Александр Георгиевич Котиков был очень заботливым, переживающим за жизнь простых граждан «хозяином» города. «Немцы были благодарны папе за то, что смог понять их нужды, дать самоутвердиться, помочь вернуть им жизнерадостность. Одним из первых объектов, утвержденных им к восстановлению, стало здание Берлинской оперы. Папа считал, что если сердце открыто прекрасному, то в нем скорее найдется место добру». До сих пор в немецком языке употребляются слова «котиков эссен», так назывался паек, который раздавался командованием голодным берлинцам. Любящим и внимательным генерал Александр Котиков был и к своим дочерям. Девочкам запомнилось, как отец возвращался с официальных мероприятий и приносил шоколадные конфе-

Отец Сергей и матушка Елена

ты, припрятанные для любимых дочек в карманах кителя. Александр Котиков любил угощать вкусным лакомством всех «встречных карапузов», после недолгого разговора, одаривал малыша конфеткой.

Сергей Борисович Симаков родился 22 января 1949 года в Москве в семье преподавателя строительных вузов. Семья из девяти человек ютилась в коммунальной квартире в Лучниковом переулке. В центре тридцатиметровой комнаты стоял овальный деревянный стол, за которым собирались члены семьи и интересные гости, а маленький Сережа с детской радостью и задором читал стихи, стоя на стульчике, умиляя интеллигентных друзей мамы и папы. Книжки окружали ребенка и краски. Батюшка вспоминает, что с детства любил рисовать «настоящими» профессиональными красками, что жил в каком-то своем, известном только ему мире. Отец, Борис Дмитриевич, преподавая в разных институтах страны, перевозил семью из Москвы в Томск, из Томска в Москву, а потом в Воронеж. В это время Сергей занимался скульптурой, живописью, писал рассказы, которые печатала мама Римма Григорьевна.

Думается, что детей, родившихся вскоре после войны, любили больше, они воплощение самой победы, торжество жизни и надежда ... надежда на то, что незря столько сердец перестало биться, а ради счастья будущих поколений. Матушка Елена и отец Сергей выросли в семьях, где знали цену победы, где дорожили мирным и безмятежным детством.

Так параллельно шли дороги двух людей, объединившихся в 1966 году в Московском Архитектурном Институте. Елена Александровна не сразу определилась с профессией, а Сергей Борисович всегда хотел быть художником. Учились они в одной группе, тайно друг к другу присматриваясь. Елена любила танцевать, была

Матушка Елена «на хозяйстве»

очень яркой девушкой, Сергей, наоборот, замкнут и стеснителен. После окончания института они, такие разные, безусловно, одаренные Богом, молодые и энергичные создали семью. Жили, обрастая, в хорошем смысле, друзьями и единомышленниками-художниками. Ранние картины, написанные художником Сергеем Симаковым, шли вразрез с общепринятыми нормами советской живописи, поэтому материального достатка в семье не было, но была убежденность в правильности выбранного творческого пути и искренняя признательность зрителей. Батюшка вспоминает, как создавал портрет Владимира Семеновича Высоцкого, тогда гонимого властью и любимого народом. Получился портрет Высоцкого «в снегу». Мама музыканта, увидев портрет сына, захотела познакомиться с художником. Так состоялась встреча Сергея Борисовича и Нины Максимовны Высоцкой. Известность, пожалуй, пришла к художнику, тогда авангардисту, в восьмидесятые годы прошлого столетия, когда несколько разных по направлению и стилю авторов объединились в так называемую «двадцатку» и начали выставлять свои работы в подвале дома на Малой Грузинской улице. Это был глоток свободы и независимости. Выставку посещали туристы из многих стран мира, разбирающиеся в искусстве старались приобрести в частную коллекцию картины русских авангардистов.

В жизни человека нет случайностей, ни встречи, ни события просто так в ней не появляются. Дружба со священником, окна московской квартиры, выходящие на церковь, деревянный дом-мастерская рядом с храмом Архангела Михаила «в бору» под Угличем. Елена Александровна и Сергей Борисович крестились. В творчестве появилась православная тематика, святые русской Церкви стали главными героями полотен. Сергей Радонежский, Серафим Саровский, Антоний и Феодосий Печерские, Леонтий Ростовский, Евфросиния Полоцкая, Соловецкие святые. Супруга читала житие святого – художник писал картину о нем. По всей стране (тогда СССР) проходили персональные выставки православных картин Сергея Симакова: Рига, Юрмала, Новосибирск, Томск, Иркутск, Углич, Ярославль, Ря-

Отец Сергей «на приходе»

заны, Смоленск, Коломна, Кострома, Арзамас-16, Минск и так далее. Сейчас часть этих работ представлена в Галерее православного искусства «Под Благодатным Покровом», о которой так радела, но до открытия не дожидаясь матушка Елена. На одной из таких выставок Сергей Борисович Симаков принял решение стать священником. Так отец Сергей стал настоятелем храма Архангела Михаила, а матушка Елена – его помощницей в устройстве приходской жизни.

Батюшка вспоминает в своем дневнике: «Самая большая проблема для нас с самого начала службы в храме заключалась в том, что мы не умели жить среди людей. У нас не было жизненного опыта долговременного общения с людьми. Прежняя наша жизнь, ввиду того, что моя профессия художника, сама заставляла нас жить уединенно, замкнуто, отвержено от общества, от этого общества нас и отстраняла. На людях мы бывали, когда открывались наши выставки, когда нам приходилось встречаться со зрителями, или мне читать лекции по специфическим предметам в учебных заведениях. Нас и служба в церкви Архангела Михаила привлекала тем, что храм был таким уединенным, таким мало посещаемым. Словом, - от шума городского мы, казалось, навсегда могли бы уединиться в «пустыне». И поначалу так и было, но только поначалу».

И человеку, выросшему на земле, сложно представить, как непросто было этим столичным людям вставать чуть свет, доить коров, а матушка сама это делала, выгонять животных в поле, запасать для них сено, заготавливать дрова, при этом восстанавливать храм и колокольню при храме, по распутице пешком добираться в течение нескольких часов до храма, потом служить, общаться с прихожанами и опять по бездорожью возвращаться в деревянный дом, который нужно протопить. Матушка с батюшкой делали это терпеливо, без ропота и расточительно жертвуя своим здоровьем.

«Действительно, наш скромный пример созидательного отношения к жизни на земле, когда вокруг все только рушили, разламывали, разворовывали, разоряли, оказался заразительным. Местные жители с нашей помощью опять стали об-

Игумен Рафаил (Симаков) в галерее «Под Благодатным Покровом»

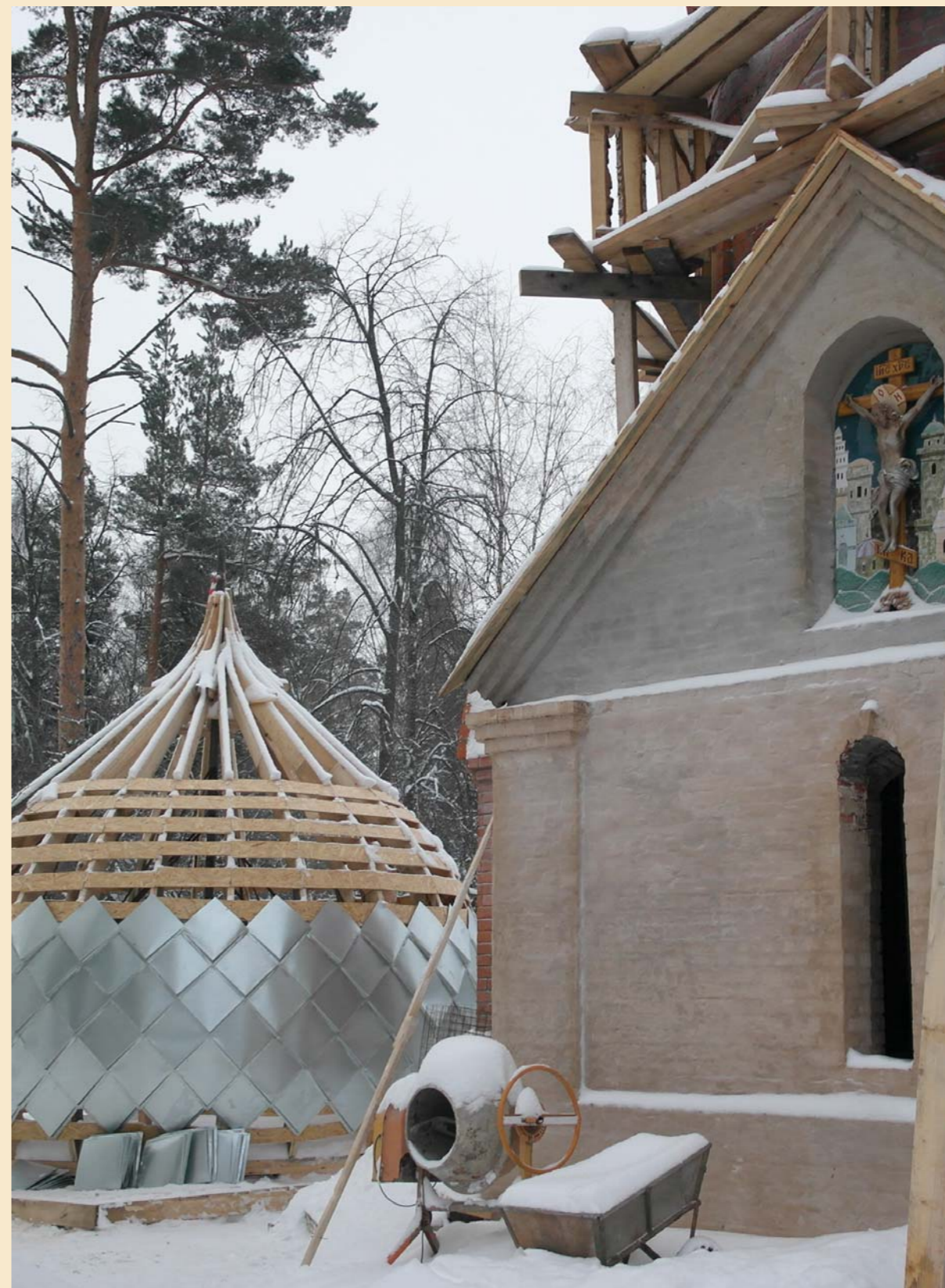
заводиться брошенной, было, скотиной, обрабатывать землю. Кому-то помогали заготавливать сено на наших землях, дрова; городских наших помощников, стариков и детей, мы обеспечивали молочными продуктами и мясом».

Огромное хозяйство: пять коров, телята, овцы, лошадь, кошки и собаки - отнимало немало сил, однако матушке и батюшке хватало терпения и понимания, внимания и любви к прихожанам церкви, соседям и многочисленным гостям, которые посещали их в деревенском доме. Старожилы с теплотой и искренним удивлением вспоминают, как матушка Елена угощала пирогами с чечевицей. «Нам казалось, что корзинка, в которой были пирожки, без дна, так много их было. А матушка улыбалась и говорила, что всем хватит». А пекла она, городская женщина, москвичка, не хуже деревенской бабушки, которая с детства училась этому мастерству.

Матушки нет уже более десяти лет, перед смертью она приняла монашество с именем Анна (что значит «благодатная», «милостивая»), ее похоронили между двух мам: своей и батюшкиной. А отец Сергей принял монашество с именем Рафаил (что значит «исцеленный»).

Сейчас игумен Рафаил – настоятель храма Михаила Архангела «в бору», писатель, режиссер, сценарист. Он создал книгу – воспоминание о своем друге Алексее Октябрьевиче Балабанове, сейчас она готовится к печати, снял несколько документальных фильмов, например, о писателе Сергее Шмелеве, творчество которого любит, в настоящий момент снимает фильм о расколе в Русской Православной Церкви и Стоглавом Соборе.

Огромен вклад отца Рафаила в создание Угличского патерика, благодаря которому мы знаем о старце Василиске и других наших святых. Одаренный Богом человек всегда будет источать новые идеи, желать их творческого воплощения.

**Храм Михаила Архангела «что в бору».
Возрождение утраченных святынь.**

Но главным делом игумена Рафаила по – прежнему является пастырское служение. Несмотря на отдаленность храма, плохую весной и осенью дорогу, сюда тянутся люди, приезжают именно к батюшке, который мудро напомнит о любви и прощении, говоря: «Что тут такого-то, с кем не бывает?..»

Бабочки в храме «во бору»

Тот самый бор

Где Благодать, там всегда радость, то тихая и не заметная на первый взгляд, то яркая и неожиданная. Архангельское – удивительное место, там все красивее, торжественнее, чудеснее. Небо в Пасхальную ночь далекое, недостижимое, бесконечно глубокое. Могучий, мощный, завораживающий колокольный звон наполняет силой и верой все слабое, несовершенное человеческое существо. На улице зябко, земля под ногами все еще не оттаяла, **а в Храме бабочки порхают**, и не в воображении счастливых прихожан, а на самом деле. Вот хоровод вьется у паникадила, несколько греются от тепла креста, а самые внимательные подлетают прямо к батюшке во время праздничной проповеди. Новые прихожане дивятся, улыбаются - бабочки в апреле – чудо! «Чудо, конечно, - соглашаются старожилы. - Но это еще что! А бабочек в Рождество вы видели?» Дети с удовольствием разглядывают яркие, пятнистые крылышки, тонкие, хрупкие усики, мохнатые, шоколадного цвета брюшки и спинки. Бабочки всюду: на вертепе, на иконе, на цветастом платочке... Малыши с замиранием следят: только бы не на свечку, только бы не обожглись. Когда становится прохладно, свечи гаснут, прихожане расходятся, бабочки вновь погружаются в зимний сон, но он у них короткий, недельный, потому что почти каждое воскресение, каждую Литургию эти красавицы славят Господа и умиляют наши сердца.

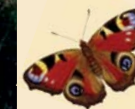
А гроза... Разве она может быть радостной? В Архангельском может! Часто бывает в июле, зайдешь в храм, поставишь свечи, совершишь нехитрую молитву, поглядишь в поредевшие витражики стекол – солнце встает. Хорошо! Вдруг посреди Литургии – мощные раскаты грома, да так близко, совсем в купол ударило... Безудержные потоки дождя барабаният по жестяной крыше, выбивая какую-то свою бесконечную монотонную ноту. Но страха нет - мы же в родном Храме и что с нами может случиться? Идем ко кресту, и вот они потоки воды на голову, лицо, и от этих капелек никто не прячется – понятно, святая вода, батюшка кропит... А гроза, пошумев, поГРОЗив, прошла. На небе радуга разноцветными лен-

тами растянута, да такая яркая, сочная. Все краски яркие, нет полутонов – все же умылось теплым июльским дождем. Воздух наполнен запахом смолы- кругом сосны и ели, его хочется вдыхать или черпать целыми ложками и наслаждаться... Радостью! Торжеством! Благодатью!

Милое сердцу Архангельское. Русский лес. Особенно он прекрасен в конце лета. Уже по-осеннему свежо, прохладно. Комары, назойливо напоминавшие о себе в июне- июле, утомились и нехотя надоедают над ухом. Птахи тоже попусту не тратят времени – силы берегут. Накрапывает, но еще не раздражает дождь. Он словно множеством ножек осторожно ступает вначале по макушке и плечам, потом – по кустикам и высоким некошеным травам, наконец стекает по липким шляпкам лакомых грибков. Дождик тоже экономит силы, ведь ему скоро предстоит рыдать последними раскатами грома, плакать, стекая с веток вместе с разноцветными листочками, и просто безысходно хныкать, бессильно умирая и воскрешаясь первыми снежинками.

Руки, мокрые от воды, украшены листиками черники, словно полудрагоценной яшмой, рыжей, коричневой, кирпичной. Ягоды, самые спелые, сочные, редкие, а от того ценные, сами скатываются в пригоршню, оставляя чуть заметный рисунок на ладони. Лес отдыхает от людей, удовлетворенный тем, что отдал все: ароматную, по-детски любимую земляничку, сладкую малинку, аскетично-пресную чернику и горьковатую, но полезную бруснику, а сколько грибов - спасение в пост! Тишина... Мир... Покой... Но кой-где хрустнет ветка – за орехами «охотятся»...

Люди устроены так, что душе должно быть спокойно, а телу отратно. Так вот здесь, как ни странно, посреди густого леса, человеку и телесно, и душевно спокойно, мирно. Можно сказать, что это кусочек русской земли, где нам может быть хорошо, и по молитвам исповедников, праведников и мучеников мы все-таки можем быть счастливы.

СЕРИЯ КНИГ «ЧИТАЙ И СМОТРИ»

Книга 1.
Аркадий Зюзин
«Непобежденный»

Книга 2.
«Священномученик
епископ Дмитровский
Серафим (Звездинский)»

Книга 3.
Аркадий Зюзин
«Первые в созвездии СУ»

Книга 4.
Аркадий Зюзин
«На защите Отечества»

Книга 5.
Лариса Черкашина
«Александр Пушкин.
Тайны древа»

Книга 6.
Аркадий Зюзин
«Притяжению земному вопреки»

Книга 7.
Ирина Пятилетова
«Странствия русского
пилигрима. Святая Земля»

Книга 8.
Ирина Соловей
«Архангельское, "что в бору"»
Рекомендуем посмотреть!
Документальный фильм
«Ребро: портрет жены художника
на фоне эпохи» (2006 г.)
Режиссер: В. Золотуха.
Документальный фильм
«Анна и Рафаил» (2007 г.),
Режиссер: Г. Колин.

Читай и смотри интернет-версию: kino-slovo.ru

© Образовательный проект «Берега»

Авторы проекта Ирина Дядченко, Юлия Васечко

Литературный редактор Ирина Пятилетова

Корректор Мария Лобанова

Выражаем благодарность спонсорам за поддержку проекта

Москва - 2018

